

Потом, когда станешь другим человеком,
прожив в Новом Свете лет двадцать подряд,
и вечером в Гарвардской библиотеке
откроешь английский журнал наугад,
наткнёшься на выцветший лист со стихами,
заложенный внутрь, и пойдёшь напрямик,
по строчкам громоздко ступая глазами,
на первую родину - в русский язык.

*...и букв прописных непрерывная плавность,
их ровный наклон, их поющая вязь,
их вкрадчивый смысл, вплетённый неявно
в посланье из Старого Света, как связь -
нить детского страха: забытый ребёнок
сидит на мешке между спящих мужчин,
глаза рукавом протирает спросонок,
родные уехали, я здесь один,
спешат незнакомые люди к платформам,
у них есть билеты, их ждут поезда,
под крышей стеклянной взбухают плафоны,
и медленно к горлу ползёт тошнота,
остались мешки и в кармане записка,
в ней почерк наклонный вдоль строчек плывёт
и буквы, друг к другу прижатые близко:
фамилия, адрес и имя моё.*

И библиотека - как зал ожидания,
где фразы чужие взрослеют, растут
в посмертную жизнь на бумаге - слиянье
того света с этим, в одну темноту.